

Ж.В. Ганиев

Риторика душевных потрясений (анализ эссе В.П. Астафьева «И прахом своим»)

Военная тема представлена в большинстве произведений В.П. Астафьева. Во многих из них война раскрывается не в описании батальных сцен или победоносных этапов Великой Отечественной, а в раздумьях русского человека, пережившего страшные годы и познавшего тяготы жизни рабочего-солдата, фронтовика-окопника, привыкшего смотреть смерти в глаза.

Ключевые слова: риторика; затесь; модель мира; тропеическая метафора.

В одном из писем коллеге в начале 1970-х гг. В.П. Астафьев с горечью сообщал об отношении «литературного начальства» к писательским рукописям: «У нас очень не любят, да и не умеют взглянуть на обратную сторону военной медали, потому что с обратной стороны от грязи и пота заводились ржавчина, гниды и прочие некрасивые вещи. То, что блестит и светится, всегда легче и спокойней изображать, да и печатается это охотней, а вот чем страшна война, то у нас как-то стыдливо замалчивается» [3: с. 64].

Тема войны и ее последствий в народной душе занимает видное место в оригинальном астафьевском жанре — в затесях.

В конце 1960-х гг. Астафьев впервые дал краткую характеристику своим миниатюрам: «Много лет пишу я эти затеси, то, что видел когда-то, что запало в душу, оставило в ней зарубку. Не зарастают эти зарубки, не забываются. Ни рассказами, ни очерками, ни этюдами их не называю. Это свободные заметки писателя, не скованные временем действия, литературными условностями, рамками жанра» [2: с. 4]. Писатель так объяснил суть жанра: «затесь — сама по себе вещь древняя и всем ведомая — это стес, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека,

и ходили по тайге от меты к мете, часто здесь получалась тропа, затем и дорога, и где-то в конце ее возникало зимовье, заимка, затем село и город» [1: с. 273–274]. В последнем издании «Затесей», которое автору, к сожалению, уже не суждено было увидеть, он добавил слова надежды: он верил, что книга утешит русского человека «в горькой этой и все более духовно и материально нищающей жизни... заставит вспомнить о Боге и ближнем своем...» [2: с. 3]. Затесь — прямое слово автора, полурассказ-полувоспоминание, которое «по объему писательского времени, отданного “затесям”, настойчивости и обилию их публикаций <...> выходят на первое место среди жанров астафьевской прозы» [2: с. 3].

Обратимся к риторическому анализу затеси «И прахом своим». Она имеет композиционно развернутую структуру, каждый из восьми абзацев наделяется отдельной функцией в решении общей риторической задачи. Совершенство астафьевского письма таково, что оно эмоционально и эстетически подготавливает читателя к персуазивному акту в главном, восьмом абзаце. Произведение написано ради того, чтобы поделиться тяжелыми думами, которые автор поместил в элокутивно отточенном финале. В последнем абзаце видны две взаимосвязанные текстовые темы: 1) боль воспоминаний тех, кто с боями прошел войну и выжил, 2) думы выживших о братьях по оружию, павших на поле битвы. Персуазивными обе темы делает скорбное национальное знание о жестокой войне. Кроме того, в затеси «И прахом своим» большую роль играют сведения о личности автора: Астафьев был участником Великой Отечественной войны, сражался на поле боя и получил тяжелое ранение (известно, что бойцы и их командиры в день объявления о ее завершении 8–9 мая 1945 г. не могли осознать, что остались в живых).

Два предшествующих финальному абзаца накапливают эмоциональную горечь у читателя перед развернутым рассуждением в концовке, они содержат наблюдения и размышления автора о том, как в природе родители заботятся (олицетворение) о нарождающемся поколении. Здесь также используется метафора дома, которая экстраполируется на мир людей (антропоморфизм), ведь такой необходимой помощи со стороны старших была лишена солдатская молодежь, о массовой гибели которой скорбит писатель. Он сообщает, что среди погибших были те, «которые не успели еще и жизни-то как следует увидеть» [1: с. 284]. Еще одно риторическое построение показывает контраст между тем, что должно было быть в жизни, и тем, что на самом деле было у многих людей его поколения. Астафьев, лишенный с детства родительской ласки, голодавший, находившийся на грани жизни и смерти в военную годину, затрагивает тему, которая его тревожит.

С самого начала затеси, с первого по пятый абзац, разворачивается ландшафтная картина; она наталкивает автора, а вслед за ним и читателя на мысли о том, что связывает в семье отцов и детей. В первых двух абзацах возникают громадный, в два обхвата пень, опята, мох, кисточки брусники и, самое главное, хиленькие елочки. У них нет будущего, поскольку они «так

слабосильны, что им уж и не справиться с трудной борьбой за жизнь и продолжать рост» [1: с. 284]. Рождается философское обобщение о законах бытия и экстраполяция на людские судьбы: «Тот, кто не растет, умирает! — таков закон жизни. Этим елочкам предстояло умереть, едва-едва народившись» [1: с. 284].

Далее, с третьего по пятый абзац, по контрасту с содержанием предшествующих двух рождается аллегорический образ потомка, который в отличие от хиленьких соседей-елочек имеет вполне жизнеспособный вид: смолистый ствол, бойко взъерошенную вершинку, потемневшую хвою. Все благодаря тому, что «елочка ловко устроилась на пеньке. Она веером развернула липкие ниточки корешков, а главный корешок белым шильцем впился в середину пня. Мелкие корешки сосали влагу из мха, и потому он был такой линиялый, а корешок центральной ввинчивался в пень, добывая пропитание» [1: с. 284]. Здесь царит полное природное согласие, родитель и его дитя находятся в гармоничных отношениях, которые, однако, не обещают елочке нахлебничества. Потомок должен сам многое сделать в жизни (снова метафорический образ): «Елочка долго и *трудно будет сверлить* пень корешком, пока *доберется* до земли» (курсив наш. — Ж. Г.). И так будет продолжаться не один год, но обязательно при поддержке родителя: «Еще несколько лет она будет в деревянной рубашке пня...». Такова астафьевская философия жизни, основанная на преемственности поколений.

Элокутивные достоинства делают затесь «И прахом своим» подлинным шедевром. Астафьев — мастер описания, повествования и, конечно же, как острый публицист, мастер рассуждения. Первые три абзаца содержат множество тропов. С четвертого по седьмой абзац текст представляет собой классический тип повествования, характерной особенностью которого является смысловая нагрузка глаголов прошедшего времени совершенного вида (*запустил* пальцы, *приподнял*, *улыбнулся*). В отличие от него в шестом и седьмом абзацах употреблены глаголы будущего времени несовершенного и совершенного вида, деепричастные и причастные формы обоих видов; каждый из глагольных форм означает этап, стадию в развитии действия, порядок его протекания (*будет сверлить*, *доберется*, *будет расти*, *был родителем*, *хранил*, *вскармливал*, *останется*, *сотрутся*, *будут преть*, *отдавая*, *сберегая*, *упавшие*, *согревая*).

В шестом и седьмом абзацах — особый тип повествования: предвидение, основанное на наблюдении длиною в жизнь. Цель финального абзаца — убедить читателя в существовании причинно-следственных связей между явлениями. Для ее достижения использован аргументативный тип речи. Главное в построении текста — умение совместить перечисленные функционально-семантические типы: с общим значением синхронности в описании, диахронности — в повествовании, каузальности в рассуждении, так диалектически связаны его, текста, структурно-композиционные характеристики.

Затесь Астафьева насыщена тропами, которые играют важнейшую роль в решении персуазивной, риторической задачи. Читателя захватывают, убеждают эпитеты, в том числе метафорические и метонимические: в *густом тонкоствольном осиннике*; *серый, в два обхвата* пень, с *рябоватыми шершавыми шляпками*; *линялый мох, украшенный кисточками брусники, хиленькие всходы*; *мелкая, но очень колючая хвоя*; *пупырышки завязей будущих лапок*; завязи были так *малы*, елочки так *слабосильны*; *трудная борьба за жизнь*. Действие эпитетов усилено метафорами и сравнениями: пень *сторожили выводки* опят; *мягкою шапкою* лежал мох; *ютились* всходы елочек; поблескивали *росинки* смолы; им *не справиться с трудной борьбой за жизнь*. Картины завораживают живостью и выразительностью благодаря тропам. Они делают более убедительным первое рассуждение (второй абзац), данное в виде формулировки экспрессивной закономерности, отмеченной восклицательным знаком. Образность поддерживают антонимы: *растет — умирает; умереть, едва народившись; можно прорасти — нельзя выжить*.

Первым двум абзацам противостоит описательное содержание третьего, в котором с предыдущей неутешительной картиной и мыслями о хилых обреченных елочках контрастирует вид их *бодрой и осанистой* соседки. Яркость образа достигается за счет антропоморфических метафор, заканчивающих абзац: «*в бойко взъерошенной вершинке чувствовалась какая-то уверенность и вроде бы даже вызов*» [1: с. 284].

Абзацы с четвертого по седьмой, будучи по форме повествованием и описанием, содержат большой потенциал будущего рассуждения (в восьмом абзаце), риторически заострены, что поддерживается экспрессивностью их тропов. Ср. тропы, употребленные в четвертом — седьмом абзацах: *волглая шапка* мха, елочка *ловко устроилась, веером развернула липкие ниточки* корешков, *главный* корешок *белым шильцем впился* в середину пня, *мелкие* корешки *сосали влагу* из мха, и потому он был *такой линялый*, а корешок *центральной ввинчивался* в пень, *добывая пропитание*.

Читатель, как и нарратор, получает вначале поверхностные впечатления о елочках на основе описания контрастного вида их хвои, безнадежной и бодрой. Каузальное по смыслу восклицание автора: «*Вот оно в чем дело!*» — метафорически раскрывает причину разницы. Она глубже, в условиях произрастания елочек: «*бодрая*» «*ловко устроилась на пеньке*», развернув свою корневую систему, чего нет у остальных, которым «*предстояло умереть, едва-едва народившись*» [1: с. 284].

В череде метафор, олицетворений, эпитетов очевиден и другой прием — смена ритмов: экспрессия одних тропов сменяется антонимическим подбором: *волглая* (шапка линялого мха, из которого мелкие корешки благополучной елочки сосали влагу. — *Ж. Г.*) — елочка *ловко устроилась; веером развернула липкие ниточки корешков — главный корешок белым шильцем впился в...*; *мелкие корешки сосали влагу из мха — корешок центральной ввинчивался в пень*,

добывая пропитание. Различаются члены противостояния внутри пар наличием/отсутствием энергии развития и надежды на жизнь: первые характеристики в парах означают существование на грани, а вторые — мажорное продолжение молодой жизни. На воображение воздействует аксиологическое противопоставление. Как видно, плотность подачи тропов, в особенности метафор, а также олицетворений с каждым абзацем возрастает.

Сравним цепь антропоморфизмов: «Елочка долго и *трудно будет сверлить пень* корешком, пока *доберется до* земли. <...> Она будет в деревянной *рубашике* пня, расти *из самого сердца* того, кто, возможно, был ее *родителем* и кто даже *после смерти своей хранил и вскармливал дитя*» [1: с. 285]. Сочетание *после смерти своей* относится к людской жизни, и мы переносим представления о земном круге на жизнь растения; нам так близко сопоставление родительской заботы (и вместе с ней и ласки) с размножением ели, что мы находим уместной обратную метафору, когда уже человеческая судьба с ее родительскими заботами вдыхает жизнь в участь умирающей ели, которая поддерживает своего потомка до своего конца и даже дольше. Последняя строка шестого абзаца, как и содержание следующего (предпоследнего) абзаца, дает возможность понять метафорический смысл заглавия затеси: природой всему живому заповедан мощный родительский инстинкт. Как украшает синтаксический период олицетворяющее метафорическое повествование! Два временных придаточных задают подъем (протазис), три деепричастных оборота, осложненных причастным оборотом, — блестящий спуск (аподозис), и вместе они образуют утверждение: хотя все конечно, энергетическая связь предков с потомками не прерывается (кстати, в затеси предок то женского, то мужского рода — ель и пень, оставшийся от нее).

Восьмой абзац, завершающий публицистический шедевр буквально стоном человека, испытывающего душевную боль, имеет девять структурных частей периода (в абзаце всего одно предложение), в котором основную роль играют семь частей протазиса (подъема). Стержень протазиса — два придаточных времени (*когда...*, *когда*), на первое придаточное нанизывается сложносочиненное предложение с однокоренными однородными сказуемыми с частицей *да и* — перечисленные средства усиливают экспрессию, дальше присоединяется придаточное изъяснительное; на второе — подкрепленное одинаковыми однородными обстоятельствами меры (*снова и снова*), наращивается придаточное подлежащее, за которым следует наиболее экспрессивная структурная часть — сложносочиненное предложение с определительным придаточным, содержащим четыре однородных сказуемых, которые выстроены как градация. Сказуемые расположены в порядке возрастающей семантической и эмоциональной значимости (восходящая градация, или климакс). Любопытно, что число структурных частей протазиса (седьмой абзац) перекликается с количеством предложений в первом абзаце — их тоже семь. Это своеобразное ритмическое кольцо на уровне поэтики.

Аподозис (спуск) в периоде, состоящий из двух структурных частей (главного и придаточного предложений), возвращает к третьему абзацу, а подъем (протазис) перед ним раскрывает иносказательный смысл первых двух. Другими словами, перед нами еще одна стилистическая фигура, экспрессивная роль которой известна еще с античных времен — кольцевой повтор.

Шедевр Астафьева складывается из точно заданного числа абзацев, у каждого из них в тексте своя неотъемлемая роль, и каждый имеет скрепы — средства связи с другими абзацами. Они прочно держат произведение, как крепкие обручи у хороших бондарей, из-под которых не выпадет ни одна клепка. Читая «И прахом своим», взором соскальзываешь с ничего поначалу не говорящего заглавия. Первый абзац, самый объемный, поражает настоящей картинностью, сочными красками и обоснованным приговором хиленьким всходам елочек. Автор не только рисует опята, мох, бруснику, украшающие пень, но и анализирует состояние ютящихся здесь же елочек, как человек, любящий природу. Эта картина, занимающая бóльшую часть абзаца, укрепляет во мнении, что именно елочки станут ключевым образом в данной затеси. Ожидание подтверждает следующий абзац-рассуждение, энергичный приговор из трех предложений, который служит смысловым балансом к начальному абзацу, включающему в себя семь предложений. Решительный приговор подчеркнут тремя словами, означающими судьбу елочек (*умирает, предстояло умереть, нельзя выжить*).

Третий абзац — полная смысловая противоположность предыдущим, отсюда начинается основная риторическая мысль Астафьева, основанная на противопоставлении жизни-нормы ненормальному существованию, когда вместо того чтобы жить, еле влекут ее подобие (с одной стороны, *хиленькие всходы елочек, которым предстояло умереть, едва народившись*, и, с другой — *бодрая, осанистая елочка, в стволике, хвое и вершинке которой чувствуется «какая-то уверенность и вроде бы даже вызов»* [1: с. 284]). На образе-олицетворении, как и на самой природной картинке, лежит печать вторичности — они метафорически привлечены автором на фоне его философских раздумий о жертвах войны.

Во всех случаях удавшейся или разрушенной семейной жизни (изображенной в художественной литературе или публицистике) события совершаются, по традициям русской литературы, на фоне дома-символа. «Социально-исторические катаклизмы в жизни крестьянства деструктивно повлияли на дом как модель семейно-родового уклада жизни, организованного в соответствии с природным циклом и земледельческим календарем, с преемственными связями, обеспечивавшими прочность самой модели, что привело к разрушению и утрате дома, замещению его *антидомом*, представляющим собою чужое пространство, дисгармоничное и катастрофичное» [4: с. 11–12]. Таково ощущение жизненных потерь в результате катастрофической военной разрухи.

Короткий четвертый абзац приступает к выявлению причины контраста между обреченными елочками и ее бодрой сестрой. «Вот оно в чем дело!» [1: с. 284] — смысл авторского восклицания раскрывается в пятом абзаце: «эта елочка ловко устроилась на пеньке» [1: с. 285]. Тесно примыкают к пятому абзацу последующие три (будущая судьба бодрой елочки и по контрасту с ней период, посвященный погибшим несчастным молодым солдатам; они и есть «хиленькие всходы елочек», которым «предстояло умереть, едва-едва народившись»).

Таким образом, сложная художественная ткань астафьевской затеси утверждает естественную жертвенность, самоотречение и призыв «и прахом своим» служить жизни.

Библиографический список

Источники

1. *Астафьев В.П.* И прахом своим // Зрячий посох. Книга прозы. М.: Современник, 1988. С. 284–285.

Литература

2. *Зубков В.А.* Поздний Астафьев: движение жанра // Астафьев В.П. Жизнь и творчество. Дайджест. Публикации в пермской периодической печати и науч. сб. за 2005–2007 гг. / сост. О.С. Баранова. Пермь, 2007. С. 3–5.

3. *Смирнова А.И.* Из эпистолярного наследия В.П. Астафьева // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2012. № 2 (9). С. 62–69.

4. *Смирнова А.И.* Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 8–14.

References

Istochniki

1. *Astaf'ev V.P.* I praxom svoim // Zr'yachij posox. Kniga prozy'. M.: Sovremennik, 1988. S. 284–285.

Literatura

2. *Zubkov V.A.* Pozdnij Astaf'ev: dvizhenie zhanra // Astaf'ev V.P. Zhizn' i tvorchestvo. Dajdzhest. Publikacii v permskoj periodicheskoj pečati i nauch. sb. za 2005–2007 gg. / sost. O.S. Baranova. Perm', 2007. S. 3–5.

3. *Smirnova A.I.* Iz e'pistol'arnogo naslediya V.P. Astaf'eva // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2012. № 2 (9). S. 3–5.

4. *Smirnova A.I.* Lokus doma v sovremennoj russkoj proze // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 8–14.

Zh.V. Ganiev

**Rhetoric of Russian Soul that Survived Misfortunes of Great Patriotic War
(Based on V. Astaf'ev's Essay «And His Ashes»)**

The majority of V.P. Astaf'ev's works depicts military topics. The war is not manifested against the background of battle scenes or victorious stages during the Great Patriotic war. The works reflect Russian people, who survived the terrible years and who know the ins and outs in lives of workers, front-line soldiers, accustomed to look death in the eye.

Keywords: rhetoric; zates; model of world; trope metaphor.